

От Третьего Рима к мировому городу

Проблема сформулирована некорректно - пожмет плечами иной читатель. Москва не есть субъект международного права. Она не государство и не проводит внешней политики. Думаю, что такая, формальная постановка вопроса обедняет знание прошлого и понимание настоящего нашей столицы.

Огромная страна в течение веков собиралась вокруг Москвы. Само имя Москвы с незапамятных времен звучит как синоним России. Многократно в отечественной истории город становился знаменем защиты и восстановления независимости нашего государства, нашего народа. Образ Москвы теснейшим образом связан с такой непреходящей ценностью, как национальный суверенитет, независимость. Не берусь утверждать, что данное обстоятельство сыграло решающую роль в освобождении Руси от ига, но факт остается фактом - у московских князей, у Москвы потребность в обретении суверенитета была выражена более ярко, чем у соседей-конкурентов. Московские князья чаще, чем, например, тверские, шли на косвенное и прямое неподчинение воле хана. И, что немаловажно, эффективнее пользовались периодами делегитимации ордынского "царя".

Огромную стимулирующую роль в формировании у московской правящей элиты новой государственной идентичности и собственной внешнеполитической философии сыграло крушение Византийской империи. Царское достоинство византийского императора стало восприниматься как естественное наследство московского великого князя. А такое достоинство не предполагало над собой никакого сюзеренитета.

Москва - и в прошлом, и в настоящем - в решающей степени обеспечивает интеллектуальный суверенитет России. В каждую эпоху город вбирал в себя самых талантливых, самых активных выходцев из близких и дальних городов и весей. Столица впитывала их социальный опыт и в то же время поднимала вчерашних провинциалов на тот уровень, с которого европейские и мировые дела видятся повседневными проблемами и задачами. История московского "дипломатического сословия" уходит корнями в XVI век. Уже в ранние годы правления Ивана Грозного начала функционировать Посольская изба. Ее думные дьяки в иерархии коллег из других ведомств всегда занимали первенствующее место, независимо от происхождения и служебного стажа. Посольская изба и Посольский приказ не только обеспечивали дипломатические сношения, но и решали все вопросы, связанные с иностранцами (проживающие в России иностранные купцы и ремесленники, московские слободы, заселенные иноземцами, дворы для приема иностранных послов, выкуп пленных). Штаты приказа неуклонно расширялись - росло число подьячих, толмачей (переводчиков), золотописцев. По большей части все они были москвичами.

Впрочем, международная роль Москвы никогда не сводилась к обеспечению дипломатических обменов. В течение столетий она концентрировала культурные ценности самых разных стран и народов. В 1356 году великий князь Симеон Гордый дал значительную сумму на реконструкцию Софийского собора, сильно пострадавшего при землетрясении, но константинопольские власти предпочли истратить эти деньги на свои нужды. Далекая Русь заботилась о восстановлении храма Юстиниана в те годы, когда об этом мало думали сами греки. Москва не только переняла царское достоинство византийского императора, но впитала традиции богатейшей византийской культуры. В этом смысле она, безусловно, состоялась как "Третий Рим".

В древней российской столице веками селились люди из разных стран. Память о них - на карте города: Немецкая слобода, Армянский переулочок, Грузинские улицы... Уже в начале

Нового времени Москва стала местом встречи людей различных культур, прообразом того мирового города, каким она является сегодня.

Заметную прослойку иностранного населения в Москве XV-XVI веков составляли итальянцы, заметную, впрочем, не столько по численности, сколько по значению. Последующее развитие связей с Германией как бы отодвинуло в сторону итальянский опыт. Как писал академик М.Н.Тихомиров, "немцы" заслонили собой "фрягов"^[1]. В Москве же XV столетия лучше и ближе всего знали именно итальянцев. И сами итальянцы смотрели на Москву как на город, тесно связанный с Западной Европой. Записки венецианского посла Амброджио Кантарини свидетельствуют о том, что Москва конца XV века представлялась итальянскому путешественнику концом долгого и опасного пути по восточным странам, началом Европы. Он записывает, что наконец прибыл в Москву, "славя и благодаря всемогущего Бога, избавившего меня от многих бед и напастей".

Многие из приехавших мастеров не искали более лучшей доли. За свой труд они получали немалые поместья, обзаводились семьями и пускали корни в Москве, становились москвичами. Самое позднее в третьем поколении потомки приезжего мастера получали дворянское звание. Это нашло отражение и в топонимике - достаточно указать на село Фрязино. Наш город обязан итальянцам постройкой многих замечательных зданий, новой, более совершенной техникой строительства, новой техникой производства и отделки металлических изделий. Не будет преувеличением сказать и то, что высочайшая культура производства металлических и бумажных денег, присущая современной Москве, уходит своими корнями в благотворные русско-итальянские контакты.

Как бы не было велико расстояние, отделяющее нас от допетровской Московии, мы тем не менее можем увидеть параллели с нынешней эпохой в том, как наша страна и столица виделись иностранцам. Многие из проникательных гостей в своих "отчетах о поездке" указывали на необходимость "смягчения нравов". Вместе с тем они понимали, что ликвидация определенных "негативных черт" московской государственности могла лишить систему стабильности. Стабильность же признавалась ими одним из важнейших условий для успешной преобразовательной деятельности. Много зависело от характера заинтересованности разных стран в "московских делах" и возможности осуществить те или иные выгодные предприятия. Успех этих начинаний зависел, по мнению иностранных гостей, от позиции и активности влиятельных москвитов, воздействие на которых рассматривалось важнейшим условием будущей трансформации по европейским лекалам.

Наблюдая за Москвой из Немецкой слободы, молодой Петр подозревал превосходство Запада. Именно здесь у него зрела потребность "войти в Европу". Последующее знакомство с Голландией, Британией, Францией, несомненно, показало царю глубину отставания России. Парижанин уже тогда не мыслил себе жизни без газеты, а в Москве не знали, что это такое. У России не было флота, а Голландия строила сотни кораблей в год. Возможно, смотря на рейд любезного его сердцу Амстердама, Петр видел то, чего желал для своей страны - открытости и всепобеждающей мощи. Один из ближайших соратников царя Петр Салтыков сформулировал то, что можно назвать квинтэссенцией западничества: "Русские во всем сходны с западными народами, но они от них отстали. Сейчас нужно вывести их на правильную дорогу".

Характерно, что немногие преобразования в западном духе, которые были произведены в Москве самим Петром Великим, имели место в основном в той же Немецкой слободе. Там был временно помещен Сенат. Этот уголок Западной Европы давал приют почти всем петровским школам, как штатским, так и военным. Здесь первоначально помещалась устроенная при помощи англичан Навигацкая школа. Отсюда она была переведена на

Сухареву башню, а потом в Петербург, где получила название "Морской академии". Здесь была первая общеобразовательная гимназия. Царь поощрял устройство в этом районе фабрик - шелковых, суконных, полотняных. В Красном селе граф Апраксин по приказанию Петра в 1712 году устроил бумажную мельницу для выделки писчей бумаги. В Немецкой слободе появилось немало хороших магазинов на западноевропейский лад.

Иногда говорят, что без Петра Россию ждала бы участь Африки. Не вдаваясь в дискуссии на столь зыбкую тему, констатирую, что ценой быстрой европеизации стал внутренний раскол - не только между народом и его образованной частью, но и внутри самой образованной части русского общества. Одним из моментов этого раскола было строительство новой столицы. Петербург стал флагманом, прокладывающим курс России. Москва же обрела принципиально иную роль, став своего рода противовесом новой столице.

Как ни велики были перемены и потрясения XVIII века, они не произвели в Москве глубокого переворота. Петербург времен Екатерины был чуть ли не центром вольтерьянского космополитизма. Первопрестольная столица осталась в своих основах тем же национально-русским центром, каким она была всегда. Перевоплощавшиеся то в немцев, то во французов московские вельможи в новых палатах в стиле ренессанс, барокко или рококо оставались все теми же русскими боярами с их хлебосольством и усердной набожностью.

Отечественная война 1812 года доказала, что Москва была и остается народной столицей России. Глубокое патриотическое воодушевление москвичей, многотысячное ополчение, громадные денежные пожертвования превратились в волнолом, который остановил и рассеял великую армию Наполеона. Катастрофа Москвы оказалась спасительной для России и гибельной для завоевателя. В патриотической жертве москвичей Наполеон увидел скифское варварство. Покинуть столицу, оставив врагам свои дома и громадные ценности - драгоценные картинные галереи и колоссальные библиотеки, - явилось подвигом, до которого не дотянулась ни одна из столиц Запада: все они раболепно подносили ему ключи от своих крепостей. Сами же французы в течение недолгого пребывания в Москве проявили неслыханные по дикости мстительную злобу и варварство. Уходя, они пытались взорвать Кремль. Потребовалось несколько лет, чтобы поднять Москву из пепла и развалин. Древняя столица была основана фактически в третий раз, если за второй принять ее восстановление после страшной разрухи Смуты и польского владычества.

В 70-х годах XIX столетия выразителями настроений образованных москвичей стала так называемая "русская партия", сложившаяся вокруг салона князя Мещерского и журнала "Русский вестник" Каткова и находившаяся в конфронтации с так называемой "партией Шувалова", ближайшего советника Александра II, начальника Третьего отделения императорской канцелярии и затем посла в Лондоне. Апогеем патриотических настроений той эпохи стало народное движение в поддержку освободительной борьбы славянских народов Балкан. Ядром этого движения были, несомненно, москвичи. Не будет преувеличением сказать, что народ России в тот период осознал себя в состоянии войны с Турцией и правительству уже ничего не оставалось, как вступить в эту войну.

Кумиром москвичей был Михаил Дмитриевич Скобелев - знаменитый белый генерал. К сожалению, сегодняшние москвичи мало знают о нем, в основном по фильму "Турецкий гамбит". Но в 1882 году, когда первопрестольная прощалась с героем Плевны, его имя было у всех на устах. Генерал Скобелев на 30 лет предвосхитил течение европейских дел. Он понимал неизбежность столкновения с Германией и стремился переломить германофильскую линию в тогдашней политике. Кто знает, если бы его голос был услышан,

возможно, история империи Российской не завершилась так бесславно в 1917 году... Отрадно, что сегодня белый генерал возвращается в Москву. Правда, не на свое законное место на Скобелевской площади - оно теперь навеки занято основателем нашего города, - а в Ильинский сквер, рядом с памятником героям Плевны. Это хорошее место, достойное.

Как гласит популярное выражение, "история не знает сослагательного наклонения". Но как тогда извлекать из нее уроки? Революция 1917 года радикальным образом изменила статус Москвы в международных отношениях. Она стала символом "нового мира", который, по мысли его демиургов, должен был прийти на смену разрушаемому "старому". Но роль самого города в этом процессе просматривается с трудом. Вновь обретая столичные функции, он тем не менее оказался в подчиненном положении, будучи фактически инструментом реализации глобальной стратегии, не имевшей ничего общего ни с интересами России, ни с традициями самой первопрестольной. Даже выдающийся бытописатель Москвы Владимир Гиляровский в 1934 году в предисловии к своей знаменитой книге "Москва и москвичи" писал: "Москва уже на пути к тому, чтобы сделаться первым городом мира". На руинах российской государственности большевики замыслили построить своего рода Четвертый Рим, в котором "без России, без Латвий" намеревались жить "единым человеческим общежитием". Впрочем, когда новый Бонапарт в 1941 году подошел к стенам Кремля, они вспомнили о ценностях и символах исторической России и, опираясь на этот ресурс, сокрушили агрессора. Как и в 1812 году, Москва стала знаменем борьбы теперь уже с "коричневой чумой" и спасла народы мира от фашистского порабощения.

Победа в Великой Отечественной войне породила небывалый национальный подъем, материализовавшийся прежде всего в научно-технической сфере. В 50-60-х годах минувшего века была сформирована технологическая база, обеспечившая нашей стране ключевые позиции на международной арене и статус сверхдержавы. Созданный в тот период технологический задел в существенной степени определяет и наши возможности в современном мире.

С крушением Советского Союза Москва обрела новую роль. Она стала "форпостом глобализации" в России. Перед нашей страной встала сложнейшая задача включиться в мировые процессы - информационные, финансовые, технико-технологические, культурные. При этом сделать это так, чтобы сохранить субъектность в мировых делах.

В последние десятилетия становление мировой политики связано с тенденцией к уплотнению международной среды и повышению ее проницаемости для импульсов влияния, которые участники международного общения посылают друг другу. Своего рода каркасом такого уплотнения являются так называемые "мировые города". Концепт "мирового города" обычно рассматривают в двух аспектах. Во-первых, он является локомотивом, тянущим за собой развитие крупного региона, страны и даже мира. Во-вторых, это город, выстраивающий свою политику на принципах открытости, мобильности, доступности услуг, привлекательности, интегрированности в мировые сети.

Российская столица все более демонстрирует черты "мирового города". Конечно, Москва пока не может на равных конкурировать с такими функциональными лидерами глобализации, каковыми являются Нью-Йорк, Лондон, Токио, Гонконг. Вместе с тем она располагает практически полным набором характеристик, позволяющих претендовать на все более значимую роль в мировой системе. Численность населения Москвы перевалила за десять миллионов. При этом для значительной части москвичей характерна высокая функциональная мобильность, базирующаяся на качественном образовании. Научно-производственная база города позволяет решать практически любые технические задачи.

Москва является важнейшим коммуникационным центром. Бурно растет и развивается финансовый сектор и шире - сектор бизнес-услуг. Все крупнейшие и большинство крупных международных корпораций, а также международных организаций имеют в Москве свои представительства и филиалы.

Одним из ключевых критериев "мирового города" являются высокие жизненные стандарты. Это своего рода город-эколог - он удобен для людей, для нормальной жизни, он способствует реализации человеческого потенциала. Его совокупная капитализация определяется не только сказочно дорогой землей и недвижимостью, но и высокой концентрацией качественного человеческого ресурса. Конкурентоспособность Москвы в борьбе за этот ресурс с каждым годом повышается. Российская столица притягивает к себе не только талантливых людей из относительно бедных государств, но и амбициозных специалистов из наиболее развитых стран планеты. Впрочем, обратной стороной открытости Москвы миру является и острая, непривычная конкуренция за отечественные таланты. Многие даровитые и рационально мыслящие юноши и девушки из регионов теперь имеют возможность выбирать где учиться и где начинать свою карьеру - в Москве или другом "мировом городе".

Включившись в глобальную борьбу за право влиять на мировые процессы, Москва получила и немало проблем, подчас пугающих своей неразрешимостью. Она является фактически единственным российским элементом упомянутого выше "уплотняющего каркаса". Из отечественных городов-миллионников только Москва постоянно растет. На нее приходится до трех четвертей внутренней миграции. На востоке страны вообще нет городов-локомотивов, создающих мощное притяжение. В соседнем Китае - более 100 городов с населением свыше миллиона человек. При этом у нас чрезвычайно слабая транспортная сеть, плохие коммуникации. Бурное развитие московской агломерации происходит на фоне сокращения деятельного контроля над гигантскими территориями России. Разрыв между столичным регионом и остальной страной все увеличивается. Это делает призрачными отдаленные перспективы развития самой Москвы.

Столице жизненно необходимо возникновение в России новых "форпостов глобализации" - в Европейской части, на Урале, в Сибири, на Дальнем Востоке. И объективные, и субъективные условия для этого имеются. Помимо общеизвестных обстоятельств, напомним, что в современной России десятки университетов готовят кадры специалистов по мировой экономике, международным отношениям, праву. Это значимый ресурс для формирования центров роста.

Но следует сознавать, что запоздалое подключение к процессам глобализации несет в себе опасность превращения в ее объект. Одна из краеугольных идей философии глобализации заключается в утверждении универсальности решений, выработанных в западном мире на основе его грандиозного, но тем не менее весьма специфического исторического опыта. Уверен, Россия имеет шанс попасть в ряды "бенефициариев" глобализации. Мы долго жили автономно от остального мира. Сегодня мы оказались в ситуации, когда, понимая суть происходящего, мы обладаем сравнительно малым числом эффективных каналов и ресурсов влияния на мировые процессы.

Москве принадлежит особая роль - обеспечить такой обмен идеями, финансами, товарами, услугами и влиянием между Россией и глобализующимся миром, чтобы не только сохранить духовные и материальные богатства, созданные десятками поколений наших сограждан, но и обеспечить конкурентоспособность российской культуры и российского образа жизни.

---

[1] Тихомиров М.Н. Итальянцы в России XIV-XV столетий.//Тихомиров М.Н. Российское государство XV-XVII веков. М., 1973, с. 344.

«Международная жизнь», №9-10, 2006.